

Страничка литературы и искусства.

На дне.

Лиха беда начало. Это можно было бы сказать по поводу уже отмеченных печатно выступлений Максима Горького в датском «Политикене», если бы это начало не было, в сущности, продолжением обычного для нашего певца «Буревестника» блуждания меж трех сосен политики. Однако, мы не могли предположить, что ламентации о «русской жестокости» доведут автора «На дне»... на самое дно политиканской эмиграции и свяжут его идеологически и политически с самыми отщепенными элементами эмиграции. Этот финал явился тем более неожиданным, что, как говорил сам Максим Горький, он ехал за границу только лечиться и на досуге писать свои воспоминания о Короленке. С чего же, спрашивается, ему вздумалось лечиться... «дикий и жестокий» русский народ и, вместо воспоминаний об авторе «Истории моего современника», вдруг заговорить... ну, скажем, об еврейчиках-комиссарах?

И вообще поражает нынешняя плодотворность Горького (за последние годы эта черта у него, кажется, отнюдь не наблюдалась!) по части выступлений в печати: за короткое время он напечатал в одном «Политикене» 4 длиннейших статьи, после этого дал большую беседу Шолому Ашу, опубликованную в американской газете «Фрайгайт», затем выразил недовольство этой беседой и отправил в редакцию другую статью, которая должна была внести коррективы в беседу, затем дал другую беседу Лещинскому, которая была напечатана в нью-йоркской газете «Форвертс». И, по слухам, имеются еще «различные другие беседы», пока до нас не дошедшие.

Можно было бы пошутить, что Горький переживает, как писатель, свой балзаковский возраст, но самое содержание новых горьковских открытий не располагает к шуткам.

Особенно расстроили всю европейскую и американскую прессу, а белогвардейцев просто обрадовали откровения Горького... об еврейках вообще и комиссарах—в частности. Почему Горький этому вопросу посвятил столько внимания—один бог ведает. Но что он придает этому вопросу какое-то гипертрофированное значение, это видно из того, что Шолом Аш, после беседы с Горьким, прямо поставил крест на судьбе еврейского народа, до того Горький его напугал всякими «ужасами». Шутка ли, «антисемитизм в России до того разросся, что весь еврейский народ сидит на горящих углях!». Подумайте, «не только в реакционных кругах, но и в Красной армии антисемитизм является до того кровавым, что лишь железная дисциплина и смертная казнь удерживают Красную армию от насаждений над евреями». «Антисемитизм пылает сейчас в России, как никогда, и при первом потрясении большевистской крепости весь еврейский народ будет принесен в жертву». Ну, уж при первом потрясении... Неужели Горький мог внушить Шолому Ашу такие мысли? Мог или не мог, но перед нами его мысли, черным по белому начертанные.

«Еврейские большевики, не все, но безответственные мальчишки взяли осквернить святыни русского народа. Они превратили церкви в кинематографы, читальни, они не считались с чувствами народа».

Горький великодушен. «Безусловно, евреи неповинны. Среди большевиков имеется много провокаторов, старых русских чиновников и всевозможных бродяг». Они-то, чиновники, хулиганы и бродяги, оказывается, из провокационных целей «послали именно евреев, еврейских беспомощных и безответственных мальчишек делать это дело», т.-е. дело изъятия церковных ценностей и вмешательства в то, «что имеет отношение к русской церкви и к русской душе». Это уже не отсебятина Аша, а подлинные слова Горького, им не оспариваемые и в основном рисующие его взгляд на комиссаров и евреев в данный момент.

Что в этом взгляде отделяет певца «Буревестника, черной молнии подобного», от... простой торговли пирогами на Сухаревке,—пусть в этом разбирается читатель. Мы, по сестрице сказать, никакого различия между ними тут провести не можем. Если бы тут были только ошибки,—в этом не было бы большого греха. Кто обобщает, часто поневоле ошибается. Но ошибка ошибка рознь. А в данном случае все утверждение Горького сплошная... неправда. Ну, где он видел церкви, обращенные в кинематографы и читальни? Где он видел «чиновников, хулиганов и бродяг» в качестве начальства над «безответственными еврейскими мальчишками» и где видел «еврейских мальчишек» при изъяти ценностей и «осквернении святынь русской церкви и русской души»? Из каких злобных источников он почерпнул эти сведения? Кто скажет?

Но хуже всего, что Горький не просто уткнулся в дужку низкопробной информации с Сухаревки, но, уткнувшись в эту дужку, продолжает в ней барахтаться и претендует, чтобы его не смешили со всякими... В своем обещанном «опровержении» беседы, напечатанной Ашем в газете «Фрайгайт», Горький, однако, только подтверждает справедливость того положения, что кто много опровергает, тот ничего не опровергает. И в самом деле: Горький возражает, что он сказал, будто «причиной антисемитизма в России является безтактность еврейских большевиков». Но как же он опровергает эти слова? «Русский народ,—говорит он,—возмущен против евреев, главным образом, вследствие их участия в анти-религиозных и противцерковных выступлениях». Вот так опровергнул! Или другое «опровержение». Горький отрицает, что ему принадлежит фраза: «Руки прочь от русских святынь!». Но он не отрицает своего обращения к евреям-большевикам: «Не вмешивайтесь в дела, которые имеют отношение к русской церкви». Более того. К прежним доводам, долженствовавшим объяснить естественный рост антисемитизма в России, Горький прибавил еще ряд новых доводов, делающих это явление как бы еще более естественным, веским и обоснованным. Раньше Горький говорил

только об изъятии ценностей и осквернении святынь. В своем «опровержении» он добавил: «В значительной мере рост антисемитизма объясняется также участием коммунистов-евреев в реквизиции хлеба у крестьян, а также нападкам правоверных (?) еврейских коммунистов на культурную работу евреев-некоммунистов». Опять... неправда! Реквизиция хлеба у крестьян в данный момент вовсе не производится, за исключением продналога. Если Горький говорит о последнем, то процент участия евреев во взимании продналога настолько ничтожен, что вряд ли мог бы оказать влияние на антисемитские настроения известных слоев деревни, если даже согласиться, что эти настроения наблюдаются, хотя и вообще-то эти настроения больше характеризуют тех, кто их видит на каждом шагу, чем тех, кому они приписываются. «Нападки на культурную работу евреев-некоммунистов»—где и когда Горький наблюдал это явление? К сожалению, он не приводит ни одного факта. Впрочем, виноват. Один факт Горький все-таки приводит: это—производящиеся, якобы, нападки на еврейский театр «Габима». Это значит понасть пальцем в небо! Вот уж подлинно: не узнав броду, не суйся в воду. Смешно говорить об обидах, творимых театру «Габима», который был и остается государственным академическим театром, который Наркомпрос опекает наравне с Малым и Художественным театрами и который пользуется особым художественным вниманием режиссуры Художественного театра! Но, может быть, Горький говорит о разрушении еврейской общины и эту деятельность большевиков называет нападками на «культурную работу евреев-некоммунистов»? Каемся, эту «разрушительную деятельность» мы действительно производили и производим, так как еврейская община была издавна организационно-общественной формой власти еврейской буржуазии над беднотой. Но не дошел же Горький в самом деле до того, чтобы требовать восстановления общины? Ведь от общины до учредилки рукой подать...

Учредилки пока- что Горький еще чурается. Он еще стоит на «платформе Советской власти». В этом он убеждает европейскую публику. Не надо,—говорит он,—стричь большевиков под одну гребенку. Надо отделить плетель от шпены. Во всем повинны «еврейские мальчишки». «Но Троцкий,—на мой взгляд,—гений». «Камнев—безусловно светлая личность». «Зиновьев—крупная и могучая сила». Троцкий спас Россию от анархии. Коммунистическая интеллигенция спасла Россию от развала.

Вы чувствуете знакомые слова? Ба, да ведь это несколько дней тому назад в зале Консерватории говорили Ключников и Потехин!

«Les baux esprits se gene entrent», или по-русски «меняющиеся веки приходят к одному и тому же».

Горький признает Советскую власть потому, что борьба за новую власть означает новую гражданскую войну; новую кровь и, прежде всего, еврейского народа, интересы которого больше всего занимает нашего писателя,

горящегося тем, что в синагогах молчат об его здоровье.

Коммунистическая интеллигенция «обуздала зверя в человеке». Мнение Горького о русском народе и России общезвестно. Россия—это «ереда полудиких людей». Революция «дика и жестока». Что в этом удивительного? «Дикость и жестокость в тех формах, которые приняла революция, я объясняю исключительно дикостью и жестокостью русского национального характера». Горький защищает в Европе «исену у рта (в среде полудиких людей, для которых коммунизм какой-то жупел, это не удивительно!) Троцкого, Зиновьева и вообще «активных деятелей революции». «Их обвиняют в том, что они совершают зверские преступления или попустительствуют таким преступлениям». Горький говорит: «Это—ложь и клевета». Напротив, эти люди борются с «дикостью и жестокостью».

После беседы с Горьким Шолом Аш написал:

«Все евреи думают, что было бы ужаснейшим несчастьем, что в России разразилась бы ужаснейшая революция, если, сохрани бог, власть перешла бы в другие руки; это мнение евреев-коммерсантов, кадетов и кого только нет».

Вот во избежание «ужаснейшей революции» Троцкий, Зиновьев и др. должны остаться на своих местах. Но так как пребывание евреев-большевиков у власти вызывает рост антисемитизма, то Горький рекомендует евреям-большевикам следующее средство для обезвреживания антисемитизма: заняться «экономической деятельностью» по возрождению России, т.-е. торговлей, а, может быть, и спекуляцией, но не политикой, которая могла бы затронуть русскую церковь и русскую душу. Легко себе представить, что останется на долю допустимой, с точки зрения Горького, для евреев политической деятельности, если отбросить все то, что имеет касательство к русской душе?

Утопичны и реакционны все утверждения Горького о власти. Но уже чисто по-детски, беспомощным выглядит, например, такое утверждение, что «политические деятели, самые виновные из всех виновных на земле», что «обвинение в корыстолюбии, эгоизме, честолюбии или бесчестии вообще недопустимо в борьбе против какой бы то ни было (sic!) группы русской интеллигенции». Вообще интеллигенцию Горький противопоставляет народу: народ «дик и жесток», интеллигенция—«кладезь всех добродетелей». Горькому, вышедшему из народа, никогда не было свойственно чувство кающегося интеллигента. Но теперь, после революции, Горький как бы симпатически перечувствовал облегчение русского интеллигента, освободившегося от обязанности каяться. На интеллигенции лежал тяжелый долг перед народом. После гражданской войны этот долг «уплачен». Таково утверждение Гредескула, Ключникова и других интеллигентов. Горький даже опережает их. Он находит, что «русская интеллигенция на всем протяжении нашей истории была жертвой (!) косности

неподвижной тупости народных масс». «Русский крестьянин, здравый смысл которого разбудила революция, может сказать об интеллигенции: ты глупа, как солнце, ты отдавала свою силу безвозмездно».

Это освобождает интеллигенцию, т.-е. государственно мыслящие и культурные элементы, от необходимости перемониться с «дикостью и жестокостью» революции и, тем более, с еврейчиками-комиссарами!

Эти выводы и делают из выступлений Горького все белогвардейцы, от черной сотни из «Нового Времени» до эсеров.

Эсеры весьма довольны выступлением Горького против изъятия церковных ценностей. Сами эсеры, как известно, с самого начала высказывались против изъятия и за Тихона и, с их точки зрения, надо приветствовать шаг Горького, который «обратил внимание культурного мира на большевистские гнусности», как-то: «осквернение религиозных святынь русского народа» (т.-е. на изъятие церковных ценностей для голодающих). Но эсеры недовольны и, по нашему мнению, они в данном случае более последовательны, нежели Горький,—что последний во всем винит «стрелочника», еврейских мальчишек, выгораживая Троцкого и Зиновьева. Почему такая привилегия главарям? Далее, если Максим Горький так защищает «святыни» русского народа, то почему он не обратится с призывом защищать эти святыни «до и от осквернения»? В самом деле, почему бы Горькому не записаться в партию эсеров?

Поругивают Горького за недостаточную последовательность и кадетские «Последние Новости», и савинковская «За Свободу», и врангелевское «Новое Время».

Но «Последние Новости» все же как-то в пику бросили большевикам:

— Ага, взяли у нас Алексея Толстого, давайте взамен Горького!

Они уже готовы облобызывать вчерашнего «людоеда». Савинков тоже находит, что Горькому «идет впрок его лечение на немецком курорте». А «Новое Время» сразу, не колеблясь, приобщило вчерашнего юдофила к пику «черносотенников» и находит, что «тов. Максим» начинает проявлять некоторые признаки довольно здравых мыслей даже в таком деликатном и рискованном вопросе, как антисемитизм, и что «оправдание Горького производит впечатление отрадное». Не в пример торопливым эсерам и кадетам, «черносотенники» готовы удовлетвориться «недостаточной ясностью» новой позиции Горького.

«Нельзя требовать от человека, четыре года служившего сумасшедшему Ленину, чтобы он сразу все понял и привел в полную ясность свои мысли».

Что же, антисемит Горький или нет? Пусть судит сам читатель. Никакие экскурсии в область прошлого не могут ни в малейшей степени уменьшить вину Горького перед русским народом и еврейскими трудящимися массами.

Пусть Аш почувствовал в своей руке «братскую руку», пусть Аш утверждает, что слова Горького были полны «глубокой любви к евреям». Для нас это неубедительно. Мы прежде всего смотрим, чью руку Горький пожал и к нам евреям он питает любовь.

И, наконец, уже давно сказано, что «добрыми намерениями ад вымощен!»